

ББК 60.542.21

Ю. Д. Анчабадзе

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В АДЫГСКОМ АУЛЕ 1920-х гг.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Важнейшей государственной задачей, провозглашенной большевиками после прихода к власти в октябре 1917 г., стало «раскрепощение» женщин. Это подразумевало их вовлечение в социалистическое строительство и общественную жизнь, приобщение к актуализированным идеологическим лозунгам и превращение в конечном итоге в социально активную, но политически лояльную массу. Между тем было очевидно, что достичь декларируемых целей невозможно без коренной ломки старого быта, без изменения социокультурного и ментального статуса женщины, что многократно усложняло задачу, особенно в национальных регионах России, в частности на Кавказе.

Однако местные власти ретиво взялись на немедленное выполнение партийных директив по решению женского вопроса. Так, в циркулярном письме от 10 октября 1924 г. ЦИК Кабардино-Балкарской автономной области напомнил всем нижестоящим органам о том, что он придает «колоссальное значение делу перевоспитания туземных женщин» [10, ф. Р-236, оп. 1, д. 8, т. 2, л. 204 об.]. Актуальность этой задачи была очевидна. Большевики понимали, что серьезнейшим препятствием на пути задуманного строительства нового общества является ненавидимый ими старый, традиционный, патриархальный быт. Между тем его устои коренились во многом в семье, в социализирующей системе традиционного воспитания, которое целиком находилось в руках женщин. Поэтому было крайне важно разрушить основания старого быта, взорвать «узкий семейный мирок», вывести его из под векового влияния женщины. Но для этого надо было перевоспитать саму женщину, освободив прежде всего от исключительной привязанности к семейному очагу.

Как обычно, административные кампании сопровождались мощным и шумным пропагандистским аккомпанементом. На этот раз главным пропагандистским клише стало утверждение, что важнейшая цель советской работы на данном направлении заключается в том, чтобы «добыть свободу для темной горской женщины». Что касается практической деятельности, то она принимала разные формы. Так, естественным образом считалось, что важнейшим средством перевоспитания женской массы является ее идеологическое просвещение. Каналом этого стали всевозможные лекции, собрания, митинги, активы, заседания, лавина которых буквально обрушилась на головы сельчан.

Например, в кабардинском ауле Кызбурун-2 в 1928 г. за короткое время было проведено 19 общих собраний граждан, помимо которых дважды соби-

рался сельский актив, трижды созывались «общие собрания бедноты», что не исключало и другой формы собраний, на которые созывались просто «группы бедноты», и др. Повестки дня многих из этих мероприятий включали вопросы идеологического и разъяснительного характера, поэтому для правильного освещения политически важных тем на места часто приезжали лекторы и идеологические работники из окружных центров. Областные органы вменяли в обязанность местной администрации следить, чтобы на всех проводившихся мероприятиях присутствовали женщины. Но, помимо этого, жительниц того же Кызбуруна 2 еще дважды собрали на специальные женские собрания [10, ф. Р-2, оп. 1, д. 503, л. 50].

Идеологическая работа особенно активизировалась во время важных политических кампаний, например выборных. Предвыборная агитация рассматривалась властями как действенная мера по политико-идеологическому воспитанию масс, в том числе женщин, участию которых во всех соответствующих мероприятиях придавалось большое значение. Особенно активная работа велась во время выборных кампаний в местные органы власти, в сельские исполкомы. Стремясь не допустить в состав Советов нежелательные элементы и дать правильное политическое направление трудящейся массе, в селах практиковались беседы на темы «как проводить выборы», «кого нужно выбирать», которые проводили ответственные работники окружкома партии.

В партийной статистике утверждалось, например, что в Адыгее в выборах местных Советов приняло участие «женщин-черкешенок» в 1923 г. — 5 %, в 1924—1926 гг. — 10 %, 1926—1927 гг. — 19,4 %, 1928—1929 гг. — 20 %, но в выборных кампаниях 1930—1931 гг. на избирательные участки пришло уже 75,3 % женщин. Вряд ли можно сомневаться в причинах столь феноменального взлета политической сознательности и активности женского населения Адыгеи, тем не менее в партийных документах победно фиксировалось, что «темная, порабощенная в бытовом, правовом и экономическом отношении черкешенка-беднячка, середнячка стала сейчас в ряду активных строителей социализма» [7, ф. 17, оп. 21, д. 2273, л. 24—25].

Активность адыгской женщины поощрялась и в рамках «выдвиженческой» кампании, когда за женщинами резервировалось определенное количество мест в низовых административных структурах. В Кабарде женщины-выдвиженки появились после выборной кампании 1924 г. Так, при выборах Каменноостского сельисполкома в ноябре 1924 г. были избраны 22 человека, «из коих беспартийных 13 членов РКП(б), кандидатов РКП(б) 7, из них 2 женщины» [10, ф. Р-236, оп. 1, д. 7, т. 2, л. 536]. Избранный в то же время исполком Залукокуаже был составлен из 11 человек, «из коих 1 женщина-беднячка, 6 кандидатов РКП(б) и 4 беспартийных бедняка» [там же, л. 532]. В селе Урванском «членов Совета и кандидатов избрано 23, из коих коммунистов — 8, женщин — 6, бедняков — 10, середняков — 12, зажиточных — 1» [2].

Большое значение власти придавали вовлечению женщин в деятельность многочисленных обществ, организаций, ячеек, объединений, в обилии возникших в послереволюционной адыгской деревне. Общества и объединения бывали порой весьма экзотическими. Так, 29 июля 1922 г. в малокабардинском селении Акбаш была образована «первая женская ячейка туземных женщин, со-

чувствующих КП». Газета «Красная Кабарда» назвала это событие «великим сдвигом в работе среди женщин-кабардинок» [5].

Одной из мер, и по-своему достаточно эффективной, по вовлечению женщин в советский быт было устройство так называемых учебных городков. Здесь с женщинами проводились занятия, которые включали обучение грамоте, проведение «просветительных» бесед, ознакомление слушательниц с «передовыми» достижениями в области хозяйствования и др. Слушательниц набирали, как это именовалось на актуализированном сленге того времени, «по разверстке», в соответствии с которой каждый сельсовет был обязан поставить в городок определенное число мобилизованных. Власти придавали большое значение этому направлению своей деятельности, о чем со всей определенностью было сказано в циркулярном отношении ЦИК Кабардино-Балкарской автономной области от 14 октября 1924 г., разосланном во все сельсоветы [10, ф. Р-236, оп. 1, д. 8, т. 2, л. 204].

Органы местной власти прониклись важностью вышеозначенной идеи. Так, председатель сельсовета Залукокуаже сообщал окружному начальству 29 октября 1924 г. о том, что «разверстка женщин в учебный городок была выполнена не только полностью, но даже с излишком». Как оказалось, председатель имел полное основание направить в округ подобную победную репликацию, ибо из Залукокуаже в учебный городок «было послано 2 женщины», между тем от вверенного председателю селения требовалась всего 1 женщина [там же, л. 210]. Аналогичный успех был достигнут в селении Сармаково [там же, л. 214].

Эти факты давали возможность властям трубить о победах, достигнутых в деле «раскрепощения» женщины-горянки, демонстрировать на слетах и конференциях национальных выдвиженок, снабжать пропагандистские материалы газетных и журнальных статей выразительными снимками и хлесткими заголовками. Между тем была и другая сторона этого процесса. По понятным причинам она редко становилась предметом общественного обсуждения, а если и становилась, то соответствующие факты трактовались как трудности, с которыми в ближайшее же время будет покончено. Архивные документы более откровенны в этом отношении, т. к. позволяют представить реальные сложности, с которыми сталкивались власти, пытаясь «перевоспитать» горянку.

«Женщина-черкешенка не имеет права по своему желанию бывать в обществе», — отмечалось в советской прессе [6]. Это беспокоило новые власти, поскольку естественным образом затрудняло работу среди женщин, не давало вовлекать их в производство, сужало возможности пропагандистской работы. Однако в этнографическом кавказоведении уже давно показано, что подобные утверждения, весьма, кстати, распространенные, искажали реальную ситуацию горского быта. Женщина-горянка имела достаточно большой выбор поведенческой активности в общественной сфере, но те ее формы, которые напористо и агрессивно внедрялись в жизнь большевистскими практиками, посвященными «женскому вопросу», слишком резко противоречили гендерным стереотипам, разрушая традиционные границы мужского и женского пространств.

Отсюда возникали непредвиденные ситуации. Так, на выборах Совета в селении Кенже 27 января 1926 г. женщины, чтобы избрать своих представите-

лей, «отделились (от мужчин) и наметили кандидатов и в Совет, и в ревизионную комиссию, и на окружной съезд Советов» [3]. В одном из партийных документов того времени шел разговор о вышеупомянутой женской ячейке поддержки РКП(б), созданной в селении Верхний Акбаш. В отличие от фанфарной публикации об этой ячейке в «Красной Кабарде», автор документа жаловался на трудности. Дело в том, что, помимо женской ячейки, в Акбаше была создана такая же, но мужская. Автор сетовал, что ячейки нельзя слить в одну, «так как мусульманки сторонятся мужчин и в их присутствии “стыдятся” даже выговорить слово» [9, ф. 1, оп. 1, д. 9, л. 32]. В кабардинском селении Ерокко даже в середине 1920-х гг. женщины практически не посещали советских собраний [10, ф. Р-2, оп. 1, д. 503, л. 57], традиционный этикет продолжал в достаточно сильной степени действовать в адыгской среде.

При этом власти не без оснований видели в родственном и общинном коллективе, прежде всего в его мужской части, мощный орган контроля за социальным поведением женщины. Действительно, мужские родичи весьма болезненно воспринимали попытки большевиков расшатать традиционные устои женского быта. Так, жителей Урванского «три раза пришлось уговаривать <...>, чтобы они пришли и пригласили на выборы своих жен и дочерей. Сначала категорически заявили, что их жены не желают идти, а когда было доказано, что это неверно, заявили, что у одной малое дитя, другая больная, третья уехала в гости, четвертая заперла хату и куда-то ушла» [2]. Особо ретивыми ненавистниками нововведений советская пропаганда считала людей старших возрастных групп, которых печатно оскорбляли и унижали. Так, рассказывая о работе среди женщин, «Красная Кабарда» отмечала, что работа эта осуществляется тайком от стариков «являющихся наибольшими ревнителями своих эфипских законов по отношению к женщинам» [4].

Характерный случай произошел в селении Мисостово. В июне 1921 г. по кабардинским селам проехала важная чиновница — инструктор отдела работниц при Горском комитете РКП тов. Сухова, имевшая задание набрать делегатов для съезда женщин-горянок во Владикавказе. Однако Сухова столкнулась с непредвиденными трудностями. В рапорте, составленном по свежим следам происшедших событий, она жаловалась, что в Мисостово она и сопровождающие лица «никакой помощи не встретили», более того, «подвергались всевозможным нелепостям и оскорблениям со стороны мужчин», при этом неоднократно по адресу прибывших слышалось: «Приехали смущать женщин». Председатель исполкома заявил посланцам: «Не дам ни одной делегатки на съезд». Суховой ничего не оставалось, как пригрозить председателю арестом. Лишь после этого тот несколько смягчился и стал более сговорчивым, пообещав, что «если другие аулы дадут делегатов, тогда и мы дадим». Неудивительно, что у Суховой сложилось твердое убеждение, что Мисостово «самое контрреволюционное» село [7, ф. 64, оп. 1, д. 119, л. 157, 157 об.].

Поэтому, проводя кампании среди женщин, большевики стали применять весьма своеобразные приемы работы, которую «Красная Кабарда» назвала «нелегальной», поскольку она проводилась «тайком от мужей». Как применялись эти «нелегальные» методы, газета поведала, описывая случай в селении Лечинкай. Здесь пошли на хитрость: «Все мужчины были на общественных

мелиоративных работах, и решено было до их прихода провести собрание женщин. Крикун (глашатай) обошел это небольшое селение и через час на сход явилось 114 женщин» [4].

Между тем женщины пытались сопротивляться, прежде всего особенно «страшным» для их самосознания нововведениям советской власти. Настойчивые попытки новых руководителей мобилизовать женщин на различного рода курсы, семинары, отправить их с просветительными целями в окружцентры, учебные городки, что предполагало выезд за пределы села, в большинстве случаев наткнулись на стойкое сопротивление и нежелание женщин подчиниться новым соблазнам эпохи. Соответствующие мобилизационные кампании 1920-х гг. часто завершались неудачей.

Так, председатель исполкома селения Псынодаха в сообщении председателю ревкома Нагорного округа 30 октября 1924 г. признавался: «...выполнение разверстки женщин во вверенном мне селении затруднительно». Свои затруднения председатель объяснял «заканчиванием осенних домашних работ», хотя главная причина состояла в том, что девушек подходящего возраста только 2 и они по семейным обстоятельствам оторваны от дома быть не могут [10, ф. Р-236, оп. 1, д. 58, т. 2, л. 205]. Еще более худшая ситуация сложилась в селении Хабез. Председатель местного исполкома был вынужден сообщить в округ о том, что женщин, желающих учиться в учебном городке, во вверенном ему селении не оказалось [там же, л. 213].

Это заявление, по существу, было самоубийственным. Власти с большим неудовольствием столкнулись с фактическим провалом кампании по разверстке слушательниц учебного городка. В циркулярном письме от 10 октября 1924 г. ЦИК КБАО, в частности, констатировал, что «разверстка по укомплектованию женщинами учебного городка до сего дня некоторыми селениями не выполнена, хотя срок исполнения истек 15 сентября с. г.». ЦИК предложил окружным органам «немедленно проверить на месте выполнение разверстки и к сельисполкомам, не выполнившим ее, принять имеющиеся меры побуждения и воздействия». Председатель ЦИК КБАО Б. Э. Калмыков, подписавший циркулярное письмо, пригрозил, что «по размерам выполнения разверстки президиум ЦИК будет судить о работоспособности Исполкома» [там же, л. 204].

Тем не менее, несмотря на спускаемые сверху разрядки, сельские власти были вынуждены конфузливо сообщать о невыполнении поставленных перед ними ответственных задач. При этом неуклюжие объяснения причин: «нет девушек подходящего возраста», «затруднительно ввиду заканчивания осенних домашних работ», «по семейным причинам оторваны от дома быть не могут» и т. п. — скрывали активное неприятие женщинами навязываемых новых поведенческих норм. Характерно, что сложившаяся ситуация порождала в общественном сознании специфические женские страхи. Так, по словам жительницы села Нартан Бекановой, «когда она ехала первый раз в Нальчик на какой-то съезд или пленум, то ей сказали, что в Нальчике как соберутся все делегаты, то в комнате потушат огонь, и тогда кто кому попадет, того и жена будет» [1].

Консерватизм адыгских женщин раздражал власть. Льстиво величая их в передовых статьях газетных официозов, в дежурных выступлениях на пленумах, слетах, митингах «активными строителями социализма», партийные

функционеры одновременно унижали и дискредитировали адыгских женщин. Излюбленными стали фразы о «рабстве женщин перед мужчинами», о «полной зависимости от мужчины-мужа или же родителей-стариков», об испытываемых женщинами-черкешенками «всякого рода насилиях».

В пропагандистском рвении дело доходило порой до крайне одиозных измышлений. Скажем, в ряде своих выступлений Б. Э. Калмыков развивал теорию о полной непригодности кабардинских женщин. «Кабардинские трудовые женщины, — говорил он, — не отличаются физическим достатком в силу прошлой забитости и духовного рабства <...> Как общее правило — кабардинки не умеют приспособиться к тяжелой минуте крестьянского хозяйства: во время голода, во время болезни кого-либо из членов семьи она бессильно опускает руки. Она не умеет ухаживать за своим ребенком, не умеет держать в доме чистоту, не может постирать белье, не умеет готовить пищу, не знает, что такое огород». Перспективы, по Калмыкову, были нерадостные: «...чтобы научить кабардинскую женщину, понадобятся долгие годы. Чтобы вылечить ее от духовых ран рабства и забитости, нужны десятилетия, чтобы возродить ее физически требуется еще большее время» [8].

Тот же Б. Э. Калмыков внес в этот набор инвектив новую струю, коснувшись специфического явления в кабардинской среде первых лет революции, когда падение сословных перегородок сделало возможным межсословные браки. В частности, для многих мужчин-кабардинцев стали весьма желательными и привлекательными браки с женщинами из бывших дворянско-княжеских фамилий. Между тем революционный лидер Кабарды предостерег кабардинских мужчин от такого шага: женщины из привилегированного сословия имеют физические недостатки. «Целые столетия одна и та же кровь в кабардинских князьях и дворянах текла по одним и тем же жилам и неумолимые законы природы <...> [сделали] эти считающиеся высшими породы людей слабоумными, хилыми, идиотами, способными только к продолжительному кутежу и разврату. Браки трудовой молодежи с женщинами из этих классов сейчас дали чахлое потомство, а новые хозяйки внесли в крестьянский дом мало хорошего, физический труд им неведом» [8].

Пропагандистские кампании принимали порой полуанекдотические формы. Так, в 1920-х гг. в Кабарде проводилась усиленная агитация за межнациональную брачность. Ее застрельщиком выступил опять Б. Э. Калмыков, который объявил, что мелкие народности, которые не имеют свежего притока крови извне, постепенно вымирают, а поэтому «кабардинец и балкарец вырождаются». Спасти дело, «оздоровить» вымирающие народы, по Калмыкову, можно было только одним путем — «прилитием свежей крови от женщин русских, немок и т. д.» [8].

Таким образом, осуществляя масштабную программу по «перевоспитанию» женщины-горянки, власти задействовали весь имевшийся арсенал пропагандистских и организационных мер. В ходе реализации программы были достигнуты определенные успехи, что позволило советской пропаганде говорить о практически повсеместном охвате женщин кампанией по ликвидации неграмотности, об их активном участии в избирательных кампаниях, в работе общественных организаций, на выборных должностях в органах местного управле-

ния. Однако в реальности властям пришлось столкнуться со многими сложностями, которые не были учтены идеологами и практиками решения женского вопроса. Агрессивное и грубое внедрение новых политических и идеологических стандартов вызывало противодействие и сопротивление со стороны адыгского аула. Многие нововведения оказались травмирующими для женского сознания, которое не было готово к столь радикальному изменению гендерного статуса в семейной и общественной жизни.

Библиографический список

1. В селе Нартан // Кабардино-Балкарская беднота (Карахалк). 1925. № 521.
2. В селе Урванском // Там же.
3. Выборы Совета в селении Кенже // Там же. 1926. № 616.
4. Кабардинка и женотдел // Красная Кабарда. 1922. № 106.
5. Корреспонденция // Там же. № 86.
6. *Кухтаев*. Заметки о женщине-черкешенке // Красная звезда. 1921. 5 апр.
7. Российский государственный архив социально-политической истории.
8. Там, где недавно был голод // Красная Кабарда. 1924. № 345.
9. Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской республики.
10. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики.